

Прошло какое-то время после Чемпионата Балтии, сейчас есть время, чтобы «остановиться, оглянуться»(с) и вернуться к тем стихотворениям и к тем подборкам, которые показались важными для меня. Очень надеюсь, что они окажутся важными и для читателей, и мы перечитаем эти стихотворения вместе...

Поговорим на другом языке? Нет, нет, я не предлагаю перейти на английский или

немецкий – увы, практически ими не владею, нет мне дороги в Евросоюз... Но кроме этих, официальных, вокруг еще очень много языков, носители которых не имеют отдельной страны, такие современные цыганские диалекты, профессиональные аргю. «Ботаешь по фене»?

Удивительно, но один из тайных, скрытых языков – «феня», достаточно понятен для громадного количества русскоязычных людей. «Редиска – нехороший человек» (с). А ведь офени, коробейники, придумавшие этот тайный язык, по их собственной мифологии, происходили из Греции, из Афин, оттого и – «афени», «офени»... Позже этот язык стал тайным языком не только мелких торговцев, но и скоморохов, вообще, всех бродяг, которые жили за счет доверчивых оседлых жителей, продавая им свои фокусы и диковины... И лишь века спустя произошла еще одна метаморфоза – права на «феню» присвоили себе вполне оседлые (большую часть своей беспутной жизни) каторжане и прочие уголовники. Впрочем, с коробейниками их объединяла не только мечта о воле, просторе и дальней дороге, но и фольклор, шансон по-современному. А сколько было поэтов, которые увлеченно переводили, да и писали на фене! «У Курского вокзала...» - вполне литературный перевод, да. У Ильи Сельвинского есть несколько стихотворений, написанных почти полностью на «фене», и, что показательно, современный читатель может свободно понять, что за истории в них рассказаны. Прошу прощения у читателей за столь длинное вступление к очередному разговору о подборках Чемпионата Балтии – 2014, но – есть причины.

Одна из них – [подборка стихотворений Игоря Гонохова](#)

"Переводы с офенского".

Февральский автобус

Этой зимою не в меру тепло

и оттого так промозгло.

Крутится радио – авто трепло

в шорохах сонного мозга.

...Руки шофёра, баранка руля...

И – занимаются бегом

чёрные рощи, сырая земля,

ямы с изглоданным снегом.

Я от дождя приезжаю к дождю.

Он моросит больше суток.

Осенью были, а нынче – тю-тю,

нет вдоль шоссе проституток.

Стая собак, да раскисшая даль

фоном собачьему порно.

Верись, не верись, но это февраль –

грязный, разъезженный, чёрный!

Отчего-то сложилось, что как только кто-то из современных поэтов вставляет в свое стихотворение слово – «февраль», как тут же находятся желающие добавить «достать чернил и плакать»(с) И непременно февраль – это оттепель, уходящий снег, грязь и депрессия. А ведь были времена – «В юном месяце апреле в старом парке тает снег»(с), в апреле, заметьте. Не в феврале!, есть еще название февралю – «лютый», но, вот, под натиском парникового эффекта, все это забывается, и стали привычными образы: февраль-грязь, февраль – враль... Февраль – дорога. И жизнь – дорога, и порой, по настроению, можно поставить между февралем и дорогой знак равенства...И звучит в дороге, непременно, радио, и непременно, «шансон». Как иначе, преюмственность. Бродячая кровь офеней каким-то чудесным образом, заставляет с виду современных людей выбрать себе такую профессию. Что же, настроение создано, будем считать это стихотворение зачином к тому главному, что хотел сказать Игорь в своем цикле стихотворений...

И вот, второе, ключевое стихотворение:

Никто

Мне сорок шесть. По жизни я – Никто.

Стою в пивной, со мною хрен в пальто.

Ещё два чела мутного разлива.

Одна тарань, четыре кружки пива.

Двум челам ночью был фартовый знак,

Зовут на дело, знают, что верняк.

А мне плевать на их блатные знаки

Мне хоть на брюхе, только б до Итаки.

Я столько шёл, по ходу столько видел!

Врагов при власти и друзей в Аиде.

Отмазался от смерти, на потом,

Не раньше, чем вернусь обратно в дом.

Тут хрен в пальто сказал: плохое дело,

Совсем моя подруга озвиздела,

У ней же хахали... Такая фря!

Пока не трону. Я подумал – зря.

И середине этого рассказа

Подходит к нам громадный, одноглазый,

Не человек – чудовище, как есть –

Гора горою, под рубахой – шерсть.

Печаль по кружкам, говорит, разлита

На четверых. Я вижу: два бандита,

Угрюмый хрен в коричневом пальто.

Тебя не знаю. Как зовут? – Никто!

Никто – ответил я – стою, не прячусь,

Пусть Полифем ты, люди много злей.

Не брезгуй, выпей с нами за удачу

И, усмехнувшись, он кивнул – налей!

По полной, до краёв налил я жлобу.

(Махнул тому, в пальто, не трогать нож) ...

А сам решил – циклоп твоя утроба,

Прочна, как жбан, но нас не перепьёшь...

.....

Поймай меня, попробуй. Я – Никто.

Разоблачи по стершимся приметам.

Я уношусь на угнанном авто

Сквозь километры мглистого рассвета.

В порту Эгейском люди подсобят.

Я волен, хоть и спаян с остальными.

Как хорошо, что не сложилось имя,

(Иначе вовсе не найти себя).

Когда вернусь, тогда придёт само

Спокойствие – забуду штормы, драки,

Богов, полубогов, героев, мо...

Нет, море буду помнить и в Итаке...

Честно признаюсь, вот к этому стихотворению возвращался много раз, при этом пропуская, не читая первое. Первое – вступление, предисловие к рассказу, этюд для создания стихотворения. Второе – мощное, четко прописанное, хотя и не безгрешное, по моему мнению. Первая его часть смешивает, сплавляет древнюю историю бродяги-Одиссея с современностью. Если подумать, чем жил, на какие средства выживал древний герой в своих путешествиях? Ремесло воина тесно связано с ремеслом

разбойника, бандита, ведь не в батраки ему, убийце-профессионалу, было наниматься! И, если мысленно перенести его историю в день сегодняшний, все логично ... Без богов, царей и циклопов – «люди много злей»(с)... И кто он, вчерашний солдат, в мире, где уже не требуется – убивать в открытую? Никто. И куда ему вернуться, есть ли она, земля. Где вчерашний герой станет прежним? И така? А нужен ли там вчерашний убийца, в нынешней, мирной жизни? Сможет ли он вернуться, прежде всего, к себе, в себя, без кровавого опыта прошедших лет, вернется ли спокойствие? Или – не надо, нельзя возвращаться, ведь вернется не тот, кто уходил?

Мощная, сильнейшая вторая часть стихотворения – вне времени, вне пространства . Судьба героев Троянской войны и судьба солдат, вернувшихся с войны современной, очень похожа – врати в мирную жизнь, вернуться по-настоящему получается не у всех, меченные кровью должны найти себя, чтобы жить...просто жить, без оглядки на смерть за спиной...

Вот только, последняя строфа этого незаурядного стихотворения мне показалась несколько...непроработанной. Мне кажется, не море должно быть в последней строке, не море... нет его в основном тексте, даже ссылка на Эгейский порт – земная, что ли.... Не знаю, что будет помнить вернувшийся к себе и в себя Одиссей, но море – это только часть его дороги, не моряк он – солдат, бродяга, убийца, искатель приключений...Как то пафосно прозвучало это слово, царапнуло, но это – сугубо мое восприятие. По крайней мере, я для себя, для своего чтения, две строчки нагло переписал, прошу прощения у Игоря. Но ведь – полюбить стихотворение, означает – его присвоить? Тем более, мое окончание я никогда никому не покажу. Если только, автор когда-нибудь вернется и закончит это незаурядное стихотворение по-новому, и угадает мои мысли и чувства, что очень может быть...

Третье стихотворение, третий перевод...

Му-му

Станет ясно – запнёшься, немея,

а пока можешь врать – говори.

Посмотри: вот – ни бе и ни ме я,

хы... аым... временами – ьи...

К ночи ясность возьмёт и потащит,

те слова, что сказал – на убой

в подсознание, в комнату-ящик,

чёрный ящик для встречи с собой.

Как же? в замкнутом наглухо слове

всё живое навроде зека?

Не с того ли Тарковский в «Рублёве»

скомороха лишил языка?

Человек, что большая собака,

но собака так много не пьёт.

А на утро – под мусорным баком

целый эпос в надтреснутом – ёпт!

Сдохнет речь, не захочется гавкать,

в пустоте протрезвеют мозги

и прочтёшь с отвращением Кафку:

обля... родя... усседи... гыги...

Слово произнесенное есть ложь? Игорь пошел дальше – «слово есть тюрьма». Сказал, произнес – и спрятал мысль в клетку, дал ей границы, урезал, лишил полета. Недаром,

ох, недаром божественно косноязычие... Только разговаривая с собой, без слов, можно попытаться понять себя. А понять других? Язык дан, чтобы прятать свои мысли, облакая их в слова, да и за произнесенными словами мы лукавим, прячемся, делаем все, чтобы нас понимали меньше, понимали только узкий круг избранных... И не важно, говорим ли мы на фене, или вспоминает Тарковского и Кафку – отсекая лишних, чужих, не своих... Впрочем, есть в этом стихотворении и лукавство иного рода – две строчки, достойные войти в фольклор своей ироничной, мыслью:

«Человек, что большая собака,

но собака так много не пьёт».

Что же, по моему мнению, перевод с офенского удался. Два стихотворения из трех я забрал в свою личную копилку, думаю, не один я. И, надеюсь, разговор о стихах Игоря мы с вами непременно продолжим...

И вот другая подборка, другой автор, другие стихи, написанные на ином, отличном от привычного нам, языке.

[ГОРБАЧЕВ Николай, Ярославль \(Россия\). "Там".](#)

И – первое стихотворение – «*ТамТам*»

... там на неведомой дорожке

(quest, level 4, dreamучий лес)

из опрокинувшейся плоски

глядят ГЛОНАСС и GPS

там кант мораль закон запреты

там не достигшие светил

льют в небо падшие ракеты

несимметричный свой гептил

там спят животные собаки

и камбала и человек

и тлеют угли как бы маки

в бутонах неподъёмных век

там ворон филин сирий вырин

там ветры сивер и хамсин

там сорван шов и расковырян

там заведённый апельсин

такой большой и без гармошки

почти подобный коlobку

торчит на деревянной ложке

и свищет дырочкой в боку.

там постмодерн постмодернизму

вися под облаком над дном

вставляет ежечасно клизму

в его расшатанный геном.

Приспособлен ли наш язык для описания ныне действующего мира? Что останется в нем по прошествии времени? Есть ли какая-то связь между тем, что и как мы говорим и тем, что мы видим в реальности? И – есть ли она, реальность? «Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов...»(с)...Как любое ощущение, как любой взгляд и любое слово, у каждого стихотворения есть основа, база, фундамент, плечи титанов, на которых поэт строит свое здание. Мир на большой черепахе – мир на чем-то древнем, уже бывшем. Шар, летящий в пустоте, должен быть к чему-то привязан. Не получилось опереть на черепаху – привязали незримой веревочкой к Солнцу. Без связи, без опоры – никак. Никола (это не фамильярность, это чтобы не путать с Заболоцким), взял за опору не только ОБЭРИУ, но и Пушкина, Стэнли Кубрика, и даже Сергея Никитина, видимо, для устойчивости. В этом мире, где идет (почти бесконечная) история с приключениями, где ракеты бывают не только падающими, но и павшими(интересно, какие надо давать имена падающим ракетам), по прежнему «спят животные собаки», гуляет неунывающий колобок(он же, вероятно, механический апельсин), и постмодерн осуществляет(зачем-то) не очень приятную медицинскую процедуру постмодернизму. Все-таки интересно, разговор на этаким, полу-геймерском, полу-литературном языке – для чего его начал Николай? Чтобы показать свою тайную причастность к небольшой разгромленной в 30-е группы людей? К общему культурному слою, который, как известно, лишь перегой для стихов? Или – ему просто так написалось? Должно быть, писать это стихотворение было очень весело, радостно, шумно. Думаю, должно быть и так – чтобы радостно. Поэзия – дама сумасбродная, серьезность её легко меняется на разгул. И мне было – просто хорошо от чтения этого стихотворения, пусть и написанного на такой необычной смеси языков.

Ещё раз

Аты-баты, кабы да бы -

А вчера я встретил жабу

В белом венчике из роз

Цаловался с ней взасос.

В синем море, в белой пене,

В пьяном вихре поколений,

В бородавочную слизь.

Перед нами пронеслись:

Как губами ищут манну,

Как поленом лупят панну,

Как железный, блин, поток

Точит каменный цветок.

Как на площади Остапа

Слышит добрый Авва Папа,

Как маманя в шушуне

Ищет истины в вине.

Как живут Балда и Жрец,

Как Баюн и кот Мурец

Ходят по цепи кругом

В сапогах и босиком.

Как в деревню к нам на птичник

Заезжал царёв опричник,

Как разбойник Кудеяр

Тушит булками пожар.

Крокодилы, баобабы,

Чернецы и мертвецы -

Всем попробовать пора бы

Аз, глаголь, добро и рцы.

Сорок душ, посменно воя...

Ищут кони водопоя...

Но фасуют у реки

В синий пластик языки

Айболиты, Бармалеи,

Кардиналы, Галилеи,

(Чак Паланик и Фадеев)

Баба курица с ведром,

Novus ordo и разгром.

И на этом под итожу:

- Не снимайте с жабы кожу,

Дайте жабе молока

Дабы жизнь текла легка!

Ага, и еще раз – на этот раз «розу белую с черной жабой...»(с) , прошу прощения, Блока с Есениным, и опять, для более запутанного узла – и Пушкина, и Гоголя, и всех прочих...Знаете, поймал себя на мысли, что стихотворения Николая прочитал со все возрастающим темпом, все быстрее и быстрее, как считалочку, и, как считалочку, закончил стихотворение как-то торжествующе – все, сосчитал! Причем, так прочитались два первых стихотворения подборки, как будто то, что в них написано, требует прочтения на одном дыхании, чтобы, упаси Господь, не сбиться – с ритма, с мысли...И громко, звонко в окончании –

«И на этом под итожу:

- Не снимайте с жабы кожу,

Дайте жабе молока

Дабы жизнь текла легка!»

А Вы бегали, в детстве, босиком по лужам, повторяя:

«Дождик, дождик, пуще!

Жито будет гуще!» ?

Не надо снимать жабе кожу, на что нужна нам царевна – с жабой весело! ...Вот, с таким настроением, переходим к третьему стихотворению подборки...

Углич - Ростов

над конурой и кротовиной

над перекошенным крыльцом

над камышами и калиной

над мономаховым венцом

и обнажёнными стволами

зашевелившейся рекой

над золотыми куполами

над бабкой согнутой с клюкой

летит на два крыла хромая

паря порхая мельтеша

на землю сказочного мая

как невесомая душа

летит над рёбрами забора

зубами стен монастыря

зовя пуститься в разговоры

немую оторопь творя

летит соломенная птица

над лебенсраумом страной

повить гнездо и удивиться

земле прекрасной и иной.

Ну почему, почему прочиталось это стихотворение, как продолжение первого в подборке, как, через него, продолжение Пушкинского «Лукоморья»? Что сказочного в пейзаже, который можно увидеть, совершая перелет «Ростов-Углич»? Пролетая над гнездом, так сказать... Что роднит его с «ТамТамом»? это ведь – тут, не в сказке, не там? Вроде бы нет того барабанного ритма, который убыстрял и убыстрял темп первого стихотворения? Только ли немецкое словечко «лебенсраум» - жизненное пространство для будущих переселенцев освободившихся территорий, обветшавших, покинутых, перекошенных и ненужных? Неужели настолько не хочется верить, что так может быть, что, возможно, все это уйдет в историю, в предание, в забвение? Может быть...

...Который раз замечаю, что язык нашего с вами общения – не только велик и могуч, но и очень разнообразен. Язык живущих в средней полосе отличается от северных диалектов; словарный и образный запас живущих далеко от языковой родины отличается от привычных москвичам оборотов и образных рядов... Мне порой сложно понять молодых людей с их гаджетами, игровыми словечками, их жизненной установкой... Но пока еще не пришли сумрачные времена, мы понимаем друг друга, и такое понимание дорогого стоит...

Вадим ГЕРМАН. "После свистка...". Встреча четвертая.

Автор: После свистка
06.09.2014 13:15

До новых – скорых – встреч!

Ваш Герман.

Читать еще:

["После свистка". Встреча первая. " О конкурсных подборках Олега ПАРШЕВА, Светланы ДИЛЬДИНОЙ и Вадима СМОЛЯКА".](#)

["После свистка". Встреча вторая. " О конкурсных подборках Сергея СМИРНОВА, Александры СНЕГ и Алины СЕРЕГИНОЙ "](#)
[":](#)

["После свистка". Встреча третья. " О конкурсных подборках Веры КУЗЬМИНОЙ и Татьяны ЛЕРНЕР "](#)
[":](#)

Вадим ГЕРМАН. «После свистка...». Встреча четвертая.

Автор: После свистка
06.09.2014 13:15
